

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

**Без божества,
без вдохновенья****РАЗМЫШЛЕНИЯ СЛУШАТЕЛЯ О СОВРЕМЕННОМ БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ**

Передо мной лежит несколько сравнительно недавних статей о некоторых проблемах, связанных с оперными спектаклями Большого театра: Солоухина, Светланаова, Шенкова, Парина. Я давний патриот Большого театра, хорошо помню и знаю его с 1937 года и твердо уверен, что он устойчиво мог бы быть лучшим оперным театром мира. Наша страна имеет для этого все необходимое.

А так ли это на самом деле? Сейчас самое время говорить об этом обстоятельно и открыто. Иначе разговор не следовало бы и начинать. И хотелось бы отбросить лыственный тон. Ведь читаем же мы в старых рецензиях: «...неудачно пел г. Шалалин...», а сейчас суть дела тонет порой в длинных титулах и незаслуженных дифирамбах.

Думаю, что в последние годы Большой театр в какой-то степени сдал позиции ведущего коллектива страны, чье предназначение — служить эталоном высокого искусства музыкального театра, определяющим его художественные критерии, уровень нашей культуры. Его спектакли перестали быть тем духовным праздником, каким они были для зрителя-слушателя, например, лет тридцать назад.

Начну, как ни покажется странным, с того, кто посещает сегодня Большой театр. Раньше принято было, что тот или иной театр имел «своего» зрителя. «Свой» зритель был и в Большом театре. Многие помнят еще времена, когда сюда шли подлинными любителями оперного искусства, в том числе и молодежь, слушатели, хорошо подготовленные, знавшие оперу буквально наизусть, страстные поклонники какого-нибудь талантливого певца, готовые на ночные выступления в очереди за билетом, только чтобы попасть на спектакль. Сегодня Большой театр этого слушателя-зрителя утратил. Чаще в прославленном зале можно видеть людей случайных, пришедших в этот театр из ложного чувства престижности, а порой даже из праздного любопытства. От такого слушателя можно услышать высказывания, свидетельствующие о незнании им искусства оперы, он попросту занимается в театре чужое место. И опера не приносит ему подлинной радости (а ведь именно в этом ее истинное назначение). Не будучи способен оценить увиденное и услышанное, он одинаково усердно аплодирует как удачному, так и посредственному исполнению, а ведь это в свою очередь ведет к тому, что теряется обратная связь, размываются и вовсе исчезают художественные и идейные критерии в оценке спектакля.

Возможности попасть в Большой театр крайне ограничены, если соотнести вместимость зала и население Москвы, включая многочисленность отечественных и зарубежных гостей, вероятность попадания в Большой театр сводится к одному посещению в 20 лет. И тем не менее посещение Большого театра могло бы быть организовано разумнее. Мне, неспециалисту, трудно давать здесь рекомендации, и все-таки думаю, что можно сократить количество всевозможных «бронеи», театральные «книжки», по которым «избранные» получают из спецкасс лучшие билеты. Наконец, можно

было бы пересмотреть цены на билеты, подняв их на выдающиеся спектакли, на ведущих исполнителей и гастролеров, на лучшие места в партере до 10—15 рублей, а рядом с этим организовать льготную продажу билетов для молодежи и студенчества на верхние ярусы. Тогда, возможно, в зале появятся те, для кого оперное искусство — насущная необходимость.

Теперь несколько слов о репертуаре. Возможно, кто-то осудит меня как консерватора, ретрограда, однако считаю, что репертуар Большого театра, театра академического в самом высоком смысле этого слова, должен составляться с большей требовательностью к художественной ценности произведения. Иными словами, со сцены его должна звучать подлинная классика. А сочинения современных композиторов — отечественных и зарубежных — отбираться с позиций самой высокой требовательности, а не из соображений конъюнктуры.

Сегодня, к сожалению, в репертуарной политике ГАБТа царит, как мне кажется, стихийность. По случаю появляются те или иные названия, спектакли ставятся волей сложившихся сиюминутных обстоятельств, по желанию, а то и по прихоти отдельных лиц. Достаточно вспомнить премьеры двух последних сезонов, чтобы убедиться: нет в театре ясной репертуарной перспективы. Да и может ли она быть, когда в коллективе нет ни главного дирижера, ни главного режиссера, а как свидетельствует история музыкального театра, без авторитетного, убежденного, волевого художественного руководства театр, как «без руля и без ветрил».

И, наконец, по поводу качества самих спектаклей. Оно не столько даже снизилось, сколько многое утратило: из потрясающего, чарующего, порой ошеломляющего священнодействия превратилось в добротное, но оставляющее тебя равнодушным «производство». А ведь оперное искусство должно нести с собой именно потрясение, должно захватывать тебя полностью, как захватывали когда-то спектакли с участием Пирогова, Норцова, Нэлеппа, Жуковской, Баровой, Давыдовой.

Без этого оперного искусства нет. Казалось бы, сегодня в Большом театре есть и голоса, и постановки отличаются богатством декораций и костюмов, а вот главного — того непередаваемого словами сопереживания жизни человеческого духа, которое рождает в тебе вечно прекрасная музыка и прежде всего волнующее, не сравнимое ни с одним из музыкальных инструментов звучание человеческого голоса, — этого, увы, не было почти ни в одном из слышанных мной в последнее время спектаклей Большого театра.

И тем не менее я по-прежнему остаюсь верным поклонником этого прославленного коллектива и хочу надеяться, что проблемы, стоящие сегодня перед ним, особенно в связи с ближайшей реконструкцией здания, будут решены. Еще раз утверждаю: Большой театр может и должен быть лучшим оперным театром мира.

Юрий ТИХОДЕЕВ.